В ОЖИДАНИИ ВЕСНЫ

Дворнику Григорьичу за хорошую работу по очистке льда подарили настольные батареечные часы. На участке у Григорьича меньше всего падали люди. Это, по правде говоря, происходило не оттого, что он был сознательнее иных, а потому, что всё своё время, и в будни, и в выходные, отдавал Григорьич очистке улиц ото льда, а уж если он чем занимался, то всегда делал это, как следует. У него лёд буквально таял под руками. И вот за такую хорошую работу ему начальник и вручил на общем собрании эти самые часы и сказал, что если бы все трудились, как Григорьич, то зимой вообще бы не было льда. Григорьич про себя усмехнулся, понимая, что работать в праздники никто не будет, а, потом, у других и безо льда жизнь насыщена интересными событиями.

А часы Григорьичу были по душе, тем более, что старый будильник у него давно сломался. А эти часы заводить не надо. Сунул батарейку, поставил на стол, тикают они, тикают, и никаких проблем. Присмотрелся к ним Григорьич, попривык, и вскоре как-то перестал и замечать их. Подарок-то был по итогам сезона, и Григорьич ждал, что вскоре лёд сам по себе начнёт таять, ведь на дворе середина марта, и вскоре нужно будет переключаться на другие работы. Для разнообразия это было хорошо.

Но после общего собрания, так порадовавшего Григорьича, что-то стало происходить странное. С каждым днём лёд всё становился крепче и крепче, и воевать с ним было всё труднее и труднее. Григорьич вначале не роптал, мало ли, какие у природы бывают чудеса, но вскоре забеспокоился. Морозы становились сильнее, и снег стал выпадать обильнее. Казалось, зима пошла по новому кругу.

Минуло полмесяца, и весной уже и пахнуть не стало, а ведь она почти пришла. Что поразительнее всего, никто, кроме Григорьича, не удивлялся. Как будто так и надо. Начинает он возмущаться подобным положением среди коллег-дворников, а те хохочут:

— Ты, что, ополоумел, Григорьич, лёд надоело колотить? Тебе, что, зря часы-то подарили? Давай, давай, соответствуй подарку!

Время шло, и втянулся потихоньку Григорьич в работу, уж не удивляется тому, что месяц за месяцем идёт, а весны-то как не бывало, так и нет. Но вскоре стал он замечать, что снег стал пышнее, легче, а вскоре и вообще пропал, а на улицах кругом грязюка. Что за чудо такое? А ещё на земле горы опавших листьев, и если их не сжигать, то они заполонят весь участок. Но удивительно-то не это, сжигать листья приходилось и весной. Диво в другом. На чёрных сучьях деревьев стали ни с того ни с сего появляться листья — и жёлтые, и рыжие, и красные. И если вначале они были сухие, то постепенно, со временем, становились мягче, а потом и вообще позеленели.

Это привело Григорьича в ужас. Как дворнику, ему, конечно, меньше было работы. Но как человеку, уже пожившему на свете, это было непонятно. А когда нельзя объяснить какой-либо феномен, это тревожит. Да притом окружающие люди совершенно не удивлялись чудесам. Делали круглые глаза на все охи и вздохи Григорьича и крутили у виска пальцами.

«Господи, — думал Григорьич, — неужто я с ума сошёл?» Но больше всего его добило

то обстоятельство, что в парке, на его участке, на яблоне-дикарке вдруг появились яблоки. Но не так, как обычно они появляются из завязи, наливаясь соком, а неожиданно. Шёл Григорьич по парку, поднял голову, а там яблоки висят, будто их кто-то специально подвесил. И вокруг яблонь все осыпано. Тут у Григорьича ум за разум зашёл. Сел он на скамейку, сам про себя думает: никому говорить не буду, может быть, это так и надо... Вот ведь привыкли люди к тому, что к коммунизму давно никто не идёт. А раньше завидовали молодым, вы, мол, счастливые, до коммунизма доживёте. Но не тут-то было, в один раз прихлопнули всё, и никто уж не вспоминает, и не говорит, и все плакаты по-

снимали насчёт коммунистического будущего. Может, и тут такая же петрушка... Вот так и жил Григорьич в недоумении, пока на работе не огорошили, что будут поздравлять его с юбилеем, с шестидесятилетием. Как так, похолодело у него внутри, шестьдесят лет ему было в прошлом году. Он ушёл на пенсию, но продолжал работать,

получая и пенсионные, и зарплату, этого-то никто не оспорит. Ладно, смолчал он, выдержав новые поздравления с юбилеем. Прошёл месяц, а ему пенсию перестали давать. Этак нагло говорят, а что ты хочешь, тебе ещё шести-

десяти нет. Вот так да, забыли, что два раза поздравляли его с юбилеем. Совсем загрустил Григорьич, уж и не обращает внимания, что вслед за осенью идёт лето, а за ним весна. Занемог мужик от такого жизненного переплёта. Хотя бы вроде радоваться надо, по всему видно, молодеет и молодеет он. Но понять это не в силах.

Думал, думал Григорьич и решил — что-то случилось в его мозгах, нужно обратиться к врачу. Оделся он во всё чистое и перед тем, как идти на приём, взглянул на часы — не опоздать бы. Что такое? Какая-то несуразность неуловимо встревожила его. Пригляделся он к циферблату, и как прострелило Григорьича сверху донизу. Секундная стрелка бежала не вперёд, а назад. А за ней, естественно, и минутная, и часовая. И так было целый год. Ведь он смотрел раньше на циферблат мельком, а часы себе идут и идут, и подводить их не требуется. Подбежал Григорьич к столу, вытащил из часов батарейку,

В третий раз пришлось Григорьичу пережить свой 60-летний юбилей, но хоть пенсию-то стали выдавать снова...

остановилась стрелка, а уж потом, когда он засунул снова, она побежала вперёд.

ОБИДА

Павлик подтянулся на руках и лёг животом на широкий подоконник. Он открыл настежь створки окна и пальцами ухватился за край карниза. Теперь ему было удобно, и тёплый ветерок обдувал волосы.

Павлик жил на втором этаже. Сверху был хороший обзор, хотя, в общем, смотреть было не на что. Напротив такая же пятиэтажка. И двор между домами с куцыми деревьями, и земля, где поросшая травой, где желтеющая песком. Там была когда-то песочница для малышей. Но деревянную её конструкцию разобрали и куда-то уволокли по частям, а песок растащили по двору. В песочной пыли теперь рылись куры и справляли свои нужды кошки. Под деревьями стояла пара скамеек. Пока они не повторили судьбу песочницы, может, из-за того, что их охраняли бдительные старушки,

которые любили вечерами посидеть на них и почесать языки. Днём скамейки обычно пустовали, или малышня раскладывала на них свои куклы и самозабвенно играла.

Павлику нравилось наблюдать за скамейками, то есть за теми, кто на них располагался. Вот уже второй день на скамейке с книжкой сидела девчонка, его ровесница, примерно лет четырнадцати. Она сидела, уткнувшись в книгу, и лица её Павлик не видел. Но её волосы, затянутые в хвостик, какой-то своей детскостью и беззащитностью располагали к себе. Она всё время была одна, без подруг.

Окно Павлика смотрело прямо на скамейки, где сидела девчонка, но она до того была увлечена книгой, что присутствие кого-то сверху не чувствовала. Павлику казалось, что он не дышит, чтобы не обнаружить себя, но замечал, что за три дня книга была почти прочитана. Непрочитанные страницы таяли и таяли. А будет ли девчонка читать под его окном следующую книгу, неизвестно?

Паренёк решился. Кашлянул для привлечения внимания. Затем чуть подрагивающим голосом, громко, как ему казалось, спросил:

Интересно?

Вновь повторил:

Интересная книга?

Девчонка даже не встрепенулась, только движением руки смахнула какое-то насекомое с волос. Павлику показалось даже, она даёт ему понять, что он назойлив. Он покраснел и сполз с подоконника в свою инвалидную коляску. Мысль лихорадочно заработала. Может быть, она видела его у подъезда, когда отец вёз его на коляске по тротуару. А потом узнала в окне и теперь не хочет знакомиться с инвалидом.

- Ну и оставайся со своей книгой! сердито проговорил Павлик и снова покраснел, тревожно заглянув в окно, вдруг она услышит. Но девчонки не оказалось на скамейке.
 - Ну и чёрт с тобой! зло выдохнул Павлик, сжав в ниточку губы.

Два дня он специально не выглядывал в окно, чтобы даже не думать об этой задаваке. На третий не выдержал и открыл створки. Она снова сидела на скамейке уже с другой книгой, которая была ещё толще. Он для интереса стукнул створками. Но никакого результата. Ей было наплевать на него. Павлик даже задохнулся от ярости, чего с ним никогда не бывало. Громко и отчётливо он произнёс так, что, наверное, весь двор услышал:

— Ну и чего ты тут прилипла? Глаза мозолишь!

Девчонка продолжала себя вести так, будто это не к ней относилось, даже глаз от своей книжки не подняла. Павлик уже с ненавистью смотрел на её спокойную позу и на то, как она аккуратно перелистнула страничку и даже для интереса не взглянула вверх.

— Ну и вали отсюда! — эти слова были так грубы и тяжелы, что Павлик никак даже не ожидал их от себя. Если бы они могли превратиться в нечто материальное, то крепко бы стукнули бедную девушку. Но она продолжала игнорировать Павлика.

Так продолжалось довольно долго, Павлик собирался уж было кинуть чего-нибудь вниз, чтобы неповадно было этой гордячке. Самолётик, что ли, соорудить из бумаги, подумал он. Пока раздумывал, непонятно откуда к девушке подошла женщина лет сорока. Девушка посмотрела на неё, отложив книгу на лавочку. И вдруг Павлик сжался весь. Женщина стала жестами разговаривать с девушкой, быстро-быстро двигая пальцами.

- Боже мой! Павлик сполз с подоконника, зажмурив глаза. Ему казалось, что он задыхается. Он не испытывал такого ещё ни разу в своей жизни. Машинально, не чувствуя боли, он стал колотить по подоконнику. На стук прибежала его мать:
 - Павлик, чего стряслось?

Он не мог ничего сказать, в глазах стояли слёзы отчаяния и стыда за самого себя.

ОЖИДАНИЕ

Виктор Иванович Кругликов — учитель истории в сельской школе. Село Березниково старинное, с церквушкой на пригорке, с резными наличниками и крылечками у домов. Школа разместилась в каменном здании с колоннами — бывшем помещичьем доме. У школы прекрасный сад с аллеями и прудочками. Это тоже перешло к школе по наследству. Если бы не десятки поколений учеников и учителей — всё давно бы пришло в запустение.

В Березникове всё дышит историей, и Кругликову работать интересно. Он часто копается в краеведческих книгах, выискивая что-нибудь о селе, о пятивековом его существовании. Есть при школе небольшой музейчик. Прялки, самовары, сундучки, документы и биография колхоза «Красный пахарь».

Больше всего занимает Кругликова разгадка названий ближних деревень. Раньше просто так названия не давались. За каждым — какая-то тайна. Многих уже нет, иные доживают, может быть, последние годы. Ведь деревня только тогда деревня, пока жив в ней хоть один человек. Потому-то и разволновался Виктор Иванович, когда узнал, что в дальней лесной Паклихе здравствует одна-единственная старушка. Председатель сельсовета (если по-прежнему) говорил о ней с раздражением. Сидит, мол, там, как лешачиха, не соглашается перебраться к людям и всю спокойную картину ему портит. А Кругликов вдруг душой потянулся к старушке — он сам из такой же породы. Выпускник столичного педвуза мог поехать по распределению и в город, а захотел к себе на родину, в это далёкое от магистралей Березниково. И теперь потянуло его в Паклиху познакомиться с отшельницей.

В воскресенье, наполнив рюкзачок тёплым хлебом и продуктами из магазина, он отправился в путь. Денёк был чудный. Кругликов с удовольствием слушал шум леса и птичий щебет.

Долго ли, коротко ли, вскоре в просвете между деревьями мелькнуло что-то похожее на крышу. Тропинка пошла вниз, лес поредел, солнце уже не прыгало от дерева к дереву, а хлынуло неудержимым потоком. От ручья в овражке тропка повела вверх и поднялась к деревеньке в четыре дома. Заброшенный вид имели три из них.

У крайней избы копошились куры, к колышку была привязана коза. А из конуры, возле крыльца, высунула голову растрёпанная рыжая собачонка, она и затявкала лениво, с паузами.

Из дома на лай никто не вышел. Никто не откликнулся и на его стук в дверь. Присел учитель на крылечко, включил транзистор. Батарейки были свежие, громко раздались позывные «Маяка».

Тут из-за дома и явилась маленькая старушонка. В аккуратном фартучке, в выцветшем платочке, босая.

Кругликов поспешно выключил приёмник, встал:

- Здравствуйте, бабушка!
- Здрав будь, милок!

Старушка подошла поближе утиной, вразвалочку походкой. Слезящимися глазами пытливо посмотрела на незнакомца:

— Ты кто ж будешь: гость али прохожий человек?

Кругликов смущённо улыбнулся. Голос у старушки басовитый, никак не подходил к её облику. Не только из-за небольшого роста. Черты лица были мягкими, округлёнными.

— Как сказать? — пожал он плечами. Ему не хотелось её беспокоить, ведь для гостя нужно стол накрывать, так уж ведётся в деревнях. Даже для незваного.

— А я всё одно рада. Что гостю, что прохожему. Посиди, посиди, коль не спешишь. И она кивнула на крылечко. Отряхнула руки и сама, кряхтя, опустилась на горячие, нагретые солнцем, доски. Её глаза сияли радостью и приветливостью.

Он присел рядом.

— А я в огороде роюсь и — батюшки мои, радива запела! У меня давно его нету. Вот я и думу, кто там? — голос её, несмотря на басовитость, приобрёл дивную напевность. — Ты сам-то из каких будешь? — Глаза её стали пытливыми.

- Березовский я, учительствую в школе.
- Вона как, она оправила выбившиеся волосы под платочек, далёконько забрёл-то. По нужде, чтой, какой?
 - Признаюсь всё же, к вам в гости. И на Паклиху посмотреть. Старуха горестно вздохнула:
- Нету ужо Паклихи. Я осталась, да Жучка, да козёнка Манька, да курёнки. Вот живём одне уж, почитай, года два, как шабёр Терентьевич помер. Одно слово, доживаем.
 - Боязно, наверное, одной?

Собеседница улыбнулась:

- Чево мне бояться? Волков нонче нет. Да и Бог бережёт.
- А не лучше ли поближе к людям, в село или деревню ближнюю какую? осторожно спросил Кругликов.

Старушка помолчала, как бы раздумывая:

— Оно, конечно, може и полегше было бы. Да кто его знает, как лучше-то... Она оборвала речь, поджала губы, что-то не договаривая.

Виктор Иванович почувствовал, что задел больную струнку. Лицо её напряглось, насторожилось. Она даже отвернулась от него. Видимо, поднадоели ей уговаривальщики. Он поспешил переменить разговор и стал вытаскивать из рюкзака продукты:

— Я думаю, это не лишнее будет вам.

Она прищурилась, оживилась:

— Ох, мил человек, рази хлебушек бывает лишним? Сразу не съем, так сухарики

насушу, — её голос вздрогнул. Она некоторое время держала всё, что давал ей Кругликов, в руках, потом складывала в подол и при этом повторяла: — Спаси Бог, спаси Бог! Растрогалась, вытерла выступившие слёзы концом платка:

- Как же тебя, заботник мой, звать-величать?
- Да называйте просто Витей, смутился он, чувствуя себя при ней мальчишкой, которого вдруг похвалили за что-то хорошее.
 - А как вас зовут?
 - Да баба Груня я.

От этого имени на Кругликова повеяло детством. Мало уже осталось стариков с такими именами.

А баба Груня вынула из кулька кусок сахара и кликнула Жучку. При этом виновато взглянула на Виктора: не обидится ли гость, что скармливает гостинец собаке:

- Больно она у меня сладенькое любит. Мне-то больше по сердцу кисленькое.
 - Жучка быстро-быстро мотала хвостом, и на зубах её хрустел сахар. Потянулась
- к бабке и коза:
- Вона, и тебе гостинца хотца? Козе старушка протянула хлебного мякушка. А набежавшим курам покрошила корочку.
- Ну вот, всех оделила, и вдруг встрепенулась, а тебя-то, кормилец мой, и не приветила! — встала, придерживая рукой конец фартука.
 - Да я есть не хочу, быстро отозвался Кругликов, вот может, попить.

- Пойдём, пойдём, квас у меня в самой поре. А то - молочка козьего? - и так это она сказала, что трудно было отнекиваться.

Он зашёл за ней в сени, а там и в избу. Обстановка была самая простая: деревянный самодельный, покрытый клеёнкой стол, тройка венских стульев с размашистыми дугами спинок. В углу иконки. Широкая русская печь с лежанкой, как в любом деревенском доме. На полу разноцветные половички. По стенам в рамках многочисленные фотографии: бородатые деды, молоденькие парни в пилотках и женщины в платочках. Над столом — ходики, под ними — отрывной календарь. Вот и всё богатство бабы Груни.

— Ну-ка, милок, попей пока, — вышла она из чуланчика, держа в руке большую кружку с пенящимся квасом. Такого кваса Кругликов нигде не пил, только, наверное, давно когда-то у бабушки. Холодный, ядрёный, вкуснющий.

А потом баба Груня потчевала его окрошкой да гороховой кашей — всем, что у неё оставалось. Порезала на стол и хлеб, но Виктор Иванович взял лишь маленький кусочек.

— Как у вас хорошо, покойно, — вырвалось у него.

Обстановка в избе, вид леса, подступившего к самому окну, вся эта естественность обволакивала сердце и тревожила полузабытыми картинами детства.

— Не всегда гоже-то, Витенька, — раздумчиво покачала головой баба Груня. — Вот намедни чего-то в грудях схватило, никак не вздохну. Ну, думу, всё, помираю. Слягу, дак никто и не хватится, так и сгнию, прости Господи, — повернувшись к иконам, перекрестилась она своей тёмной худой рукой.

От этих её суровых слов сразу разрушились романтические грёзы Кругликова, а баба Груня продолжала:

— Ты поди думашь, вот кака капризна старуха: и то не так, и эдак не так... Звала меня в ваше Березниково племянница. Она тоже одна живёт. Зимовала у ней, дак всё сердеченько изболелось. Во, гляди, патреты, — баба Груня показала на стенку с фотографиями, — мужик мой, трое сынов. Самого-то да Гришу с Петей давно похоронила, а вот Коленьку никак не могу. А ведь как ушли все четверо на войну, с той поры и не видала. По всем отревелась, а по нём — нет, похоронки не прислали, ничегошеньки. Хорошай, красавнай, ласкавай. Надежда моя — вот и жду. А коль уеду куды, придёт он, погорюет — изба заросла, заброшена, поди, и мать на погосте. Ну, как мне всё бросить? А люди думут: дура, мол, кобенится. Рази всем объяснишь... — баба Груня снова горестно вздохнула и покачала головой...

Кругликов остался ночевать в Паклихе. Раздумывал: десять музеев не заменят одной такой встречи. Вот где живая трепетная память. И открывается она не всем, а лишь в ответ на доброту. Хранить эту память надо не на пыльных музейных полках, а в сердцах.

Он лежал на постеленном бабой Груней матрасе. В приоткрытые окна врывались давно забытые звуки ночного леса, и, засыпая, он лелеял очистительную для себя мысль, что надо сделать всё, чтобы бабе Груне здесь, в Паклихе, было не тяжко ждать своего сына Коленьку.

